

Возможность невозможного в современном мире

В.П. Булдаков, доктор исторических наук

В отличие от А.А. Галкина, я практически полностью согласен с докладчиком. Несмотря на свои вредные полемические привычки, мне совсем не хочется с ним полемизировать — прежде всего, потому что в нынешних условиях трудно не согласиться с пафосом доклада и продуманной, хотя и непривычной аргументацией. Несомненно, в «планировании будущего» следует ориентироваться на историю и культуру, а не на политическую конъюнктуру и «идейные» заморочки — именно это фактически и делает автор. Вопреки первому впечатлению, доклад вполне реалистичен, хотя, разумеется, вовсе не следует надеяться на его скорейшую реализацию.

Строго говоря, проблема крупных цивилизационных (протоимперских, если угодно) общностей возникла не вчера. Насколько мне помнится, еще в 1970-е гг. на Западе кое-что писали о континентальных (наднациональных) разновидностях национализма. И таковые действительно представляют новую — пусть достаточно туманную — реальность. С другой стороны, политики всегда выдвигали надгосударственные, гегемонистские по сути, «цивилизационные» проекты. Они, напротив, как и все что делается политиками, оказывались нереалистичными. Так, в начале XX в. Россия пыталась делать ставку на какие-то достаточно туманные восточно-европейские и евразийские проекты — они, как известно, провалились. Почему это произошло, сегодня понять несложно. Российские власти и политики никак не могли определиться, что брать за основу: то ли религию (православие), то ли некую

славянскую общность. Но главная причина неудачи, на мой взгляд, в том, что за всеми этими проектами ощущалась тень российского великодержавия. Всем было ясно, что Россия активизировалась в своих собственных геополитических интересах и ради этого готова и способна подавлять все и вся.

В связи с этим мне чрезвычайно импонирует авторская идея насчет *soft power*. Это не культуртрегерский, а цивилизационно генерирующий фактор. На постсоветском пространстве он активно действует и сейчас — правда, в вульгаризованном виде. Ни для кого не секрет, что постсоветское пространство забито русскоязычной попсой всех разновидностей. И это квазикультурное влияние, несомненно, сказывается во всех областях социокультурной жизни народов. Люди теоретического склада этот фактор обычно недооценивают. Между тем, «бытийственные» взаимопредставления народов в очень значительной степени складываются на *бытовом* уровне — именно здесь возможна наибольшая степень свободы от идеологических, этнических, религиозно-конфессиональных, мессиански-утопических и даже, как ни странно, мифогенных пристрастий.

Позволю себе спуститься с неба на землю и привести несколько характерных примеров из житейской практики. В 1970-е гг. одна моя хорошая знакомая эмигрировала в Швецию, после чего не раз ухитрялась приезжать в нашу страну. О шведах у нее сложилось не очень хорошее мнение: они показались «скучными», если не хуже того. Неожиданно она сошлась там с поляками, отнюдь не питая к ним ранее особых пристрастий. Дело оказалось вовсе не в языковом факторе. По ее мнению, с поляками *можно* было общаться, они производили впечатление разумных и *остроумных* людей, в отличие от «правильных» и потому занудливых шведов. Представители культурогенных, «турбулентных» этносов легче понимают устремления друг друга, нежели люди гетерогенных — активных или «утомленных» — культурных темпераментов.

Культурогенные процессы имеют несколько уровней. Самый примитивный из них — бытовой — ученые люди почему-то высокомерно игнорируют. Поэтому позволю себе еще ряд культурно-бытовых зарисовок. В свое время я оказался почти на год вдали от России в совершенно чужой, совершенно непривычной для европейца и вдобавок замкнутой культурно-этнической среде — в Японии. Надо заметить, что японцы только сейчас начинают освобождаться от былого культурного изоляционизма, но иностранцы вовсе не спешат к его преодолению. Так вот здесь я обнаружил, что среди невольно консолидирующихся иностранцев очень легко стихийно сходятся болгары, поляки — в общем, славяне. Напротив, американцы оказываются за границей этого новообразовавшегося социума, несмотря на включенность в более широкую общность. В чем дело? Потом мне стало ясно, что дело не только в турбулентности культуры, интенсивном поиске идентичности, хотя этот фактор имеет колоссальное значение. Культурная консолидация, а затем и самоопределение, могут протекать в форме стереотипных отторжений от сложившихся цивилизационных стандартов. Оказывается, что несмотря на бывшие противоречия, конфессиональную разнородность, у определенных групп народов в культурно экстремальных обстоятельствах на бытовом уровне возникает целый ряд взаимных тяготений.

Можно вспомнить один известный рассказ: деревенский парень был так ошарашен городским темпом жизни, что готов был кинуться в объятия к своему земляку, которому некогда собирался отомстить. У восточноевропейцев сходный взгляд на «внешний» мир, одинаковые бытовые пристрастия, чего мы, как правило, не замечаем.

Порой дело доходит до смешного. Один мой хороший болгарский приятель — специалист по славянской филологии, несомненный славянофил, хотя и болгарский националист — видит все это в совершенно непривычном ракурсе. Поскольку он подолгу преподавал и в Польше, и в Чехосло-

вакии в свое время, да и сейчас постоянно бывает там. Он каждый раз посмеивается: «Чего вы с поляками не поделили? Водку пьете, солеными огурцами закусываете, суп горячий едите». Такие бытовые детали... На самом деле, и из своего общения с поляками я удивлялся, как у нас много общего; чувство юмора, во всяком случае, примерно одинаковое.

Реплика (А.И. Неклесса):

Андрей Николаевич говорил о восточнохристианской, а не восточноевропейской цивилизации.

В.П. Булдаков:

Я к тому и веду. Я хочу сказать и даже предложить автору: понятие восточнохристианской цивилизации надо давать расширительно. Это нечто более пластичное, на мой взгляд. Связано это, конечно, не с бывшим Варшавским договором или Содружеством социалистических наций...

Реплика (В.Г. Хорос):

С тремя разделами Польши.

В.П. Булдаков:

Да, кстати сказать. Это очень важно. Ведь иногда говорят, что между русскими и поляками стоят тысячелетия вражды. Но дело в том, что вражда — это в значительной степени инструмент культурной притирки, в *очень* значительной степени, несмотря на всю негативную историческую память. В результате этой самой притирки постепенно образ «чужого» нивелируется и исчезает. В результате этой притирки люди начинают понимать друг друга, приобретают способность встать на точку зрения другого, друг друга, т. е. вести диалог. Этот фактор, на мой взгляд, действует.

Что касается современной политики, то надо говорить прямо: до тех пор, пока призрак российского великодержавия витает над современной Россией, тут, вне всякого сомне-

ния, ничего сделать нельзя, ничего не получится. Здесь идея креативного класса и *soft power*, на мой взгляд, очень привлекательна. Проблема решается не на уровне межправительственных, межпарламентских или управленческих решений. Все решается на уровне культурного обмена, культурных контактов, диалога и т. д. и т. п. Если какой-то креативный класс способен сложиться в этом самом восточноевропейском пространстве — я подчеркиваю, не только восточно-христианском, — здесь можно ожидать каких-то результатов. Совершенно ясно, что они появятся не завтра и даже не послезавтра. Это очень длительный процесс. Всегда нужно учитывать, что какие-то устоявшиеся понятия должны быть, и они должны приниматься во внимание в первую очередь. Но надо учитывать и другое: мы живем не в просто турбулентном, а в очень зыбком мире, где все меняется. Трудно сказать, что будет завтра? Что будет за пределами финансового и проч. и проч. кризисов? Мы этого не знаем, мы можем только подготовить почву к каким-то *иным* взаимоотношениям. Строго говоря, надо исходить из того, что Европа для сохранения собственной идентичности в глобализующемся мире должна «двигаться на Восток». А в том, что в таких условиях *восточно-европейская* (как и восточно-христианская) общность *может* себя проявить, я совершенно уверен.